

Статья посвящена модернистскому наследию в архитектуре Тель-Авива, и прежде всего влиянию на развитие города представителей школы Баухаус. Рассматривается специфика застройки, осуществлявшейся с момента основания города в 1925 году вплоть до 1950-х годов, а также особенности архитектурных и градостроительных концепций, определивших стилистическую и функциональную преемственность в урбанистической истории Тель-Авива.

Ключевые слова: Тель-Авив; Баухаус; Белый город; модернизм; функционализм; градостроительство; городская среда; урбанизм. /

The article is devoted to the modernist heritage in the architecture of Tel Aviv, and, above all, the influence of representatives of the Bauhaus school on the development of the city. The article examines the specifics of the development that took place from the founding of the city in 1925 until the 1950s, as well as the features of architectural and urban planning concepts that determined the stylistic and functional continuity in the urban history of Tel Aviv.

Keywords: Tel Aviv; Bauhaus; White City; modernism; functionalism; urban planning; urban environment; urbanism.

Живой Баухаус. Опыт Тель-Авива / The living Bauhaus. Tel Aviv experience

текст и фото
Леонид Салмин
Уральский
государственный
архитектурно-
художественный
университет имени
Н. С. Алфёрова
(Екатеринбург)
text and photo
Leonid Salmin
Ural State University
of Architecture and Art
named after N. S. Alferov
(Yekaterinburg)

Все иллюстрации – образы
зданий Тель-Авива
1930–1950-х
и воплощение традиций
Баухауса в современной
застройке.

Среди городов мира, сохраняющих архитектурное наследие европейского модернизма, Тель-Авиву принадлежит исключительное место. Такой концентрации модернистских зданий, какую можно видеть в Тель-Авиве, нет больше нигде. Речь идет об архитектуре, не просто количественно доминирующей в городской застройке (более 4000 зданий), но, что более важно, реализовавшей ключевые принципы проектной идеологии европейского урбанистического авангарда XX века. За всего лишь столетие своей архитектурной и градостроительной истории Тель-Авив аккумулировал и многообразно развил опыт главной европейской архитектурно-дизайнерской школы первой трети XX века – немецкого Баухауса. Для многих архитекторов Баухаус с момента его основания в 1919 году был авторитетным центром разработки передовых концепций и экспериментальных практик в сфере формообразования и строительства. Ряд архитекторов-евреев, впоследствии определивших своими проектами архитектурный облик Тель-Авива, учился непосредственно в Баухаусе. Часть из них прибыла на время обучения из Палестины, куда они успели эмигрировать ранее под влиянием идей еврейского национального возрождения, часть же приезжала из городов Германии и Восточной Европы. В начале тридцатых годов, с приходом к власти нацистов, многие из них были вынуждены эмигрировать – кто-то в Англию, кто-то в США, кто-то в Палестину. Среди архитекторов, импортировавших в Эрец-Исраэль идеи Баухауса, нужно отметить, прежде всего, такие фигуры, как Арье Шарон, Шмуэль Местечкин и Мунио Вайнрауб. Их прямыми учителями были главные идеологи баухаусовского архитектурного модернизма Вальтер Гропиус, Людвиг Мис ван дер Роз, Ханнес Майер и ряд других. Помимо тех, кто учился или преподавал в Баухаусе (как в его веймарский период, так и в период переезда школы в Дессау, а затем в Берлин), идеи новой, интернациональной архитектуры подхватил и целый ряд других еврейских архитекторов, оказавших значительное влияние на зодчество Тель-Авива. Среди наиболее известных фигур – Зеэв Халлер, Зеэв Рехтер, Дов Карми, Бен-Ами Шульман, Женя Авербух. Последние трое изучали архитектуру в Бельгии, что определило

их в чем-то даже более широкий взгляд на современную архитектуру, чем у выпускников Баухауса.

Модернистское архитектурное наследие Тель-Авива настолько объемно количественно и настолько репрезентативно качественно, концептуально и стилистически, что часть территории города, где сосредоточено наибольшее число зданий в духе идей Баухауса, получила наименование «Белый город» и в 2003 году по решению ЮНЕСКО стала объектом всемирного культурного наследия как «выдающийся пример нового градостроительства и архитектуры начала XX века». Пример Тель-Авива действительно уникален. Это, пожалуй, единственный город, где в архитектурных и градостроительных практиках на протяжении целого столетия смогли найти воплощение и развитие ключевые идеи новой архитектуры, заложенные Баухаусом. В исторических условиях XX века, когда время жизни новых архитектурных трендов порой не превышало пары десятилетий, Тель-Авив дал образец вековой непрерывности модернистской эстетики и функционалистского формообразования. Архитектором, проектировавшим здания для застройки Тель-Авива, несомненно, повезло. В отличие от Германии и части Европы, где демократический архитектурный нарратив раннего модернизма под давлением культурной политики фашизма сменился на тоталитаристский, или СССР, где с авангардными жизнестроительными идеями конструктивизма уже к середине тридцатых годов было покончено, в находившейся с 1922 года под Британским мандатом Палестине возникла особая историческая ситуация, необычайно благоприятно сказавшаяся на возможностях долговременной практической реализации идей, рожденных в свое время в студиях и аудиториях Баухауса. Как на уровне крупных градостроительных проектов, так и на уровне создания отдельных сооружений архитекторы, формировавшие в 1920-х – 1930 годах урбанистический облик Тель-Авива, могли позволить себе мыслить большими историческими перспективами и выстраивать стратегии и практики развития города на широком пространственно-временном горизонте.

Вся модернистская архитектурная ткань Тель-Авива и ее сердцевина – та, что выделена и закреплена в общественно-культурном нарративе под мифопоэтическим брендом «Белый город», отличаются качеством

удивительной органики. Это не просто крупный комплекс архитектурного наследия, объединенного сквозными принципами пространственной организации, архитектоники и пластического формообразования, не просто воплощение канонов стиля Баухаус за три тысячи километров от Дессау – это живой урбанистический феномен, возникший и развившийся в географических, ландшафтных и погодно-климатических условиях, кардинально отличных от условий Центральной Европы.

Обычная пешая прогулка по Тель-Авиву дает удивительное чувство соразмерности, пластической и визуальной сообразности окружающего пространства и образующей его застройки человеку – его восприятию, его телу, его моторике и движению. Отношение плотных архитектурных тел зданий с обнимающими их «воздушными телами» дворов и улиц, перекрестков и площадей выверено так, что пребывание человека «внутри и снаружи», «между и вдоль», «посреди и с краю» в равной мере комфортно и ощущается не столько как алгоритмически выстроенная программа поведения, сколько как жизнь в среде, в самом естественном, самом биосоциальном смысле.

При том, что Тель-Авив относится к числу городов, так сказать, «умышленных», не выросших за многие века шаг за шагом из архаического – античного или средневекового – «зародыша», а учрежденных единовременной, почти сиюминутной волей отцов-основателей и менее чем за столетие достигших размеров мегаполиса, в его среде не ощущается острого дефицита исторического измерения. Израиль вообще репрезентирует свою историю не в жанре пантеона застывших артефактов прошлого, не в форме туристического «кладбища» достопримечательностей, а в виде актуальной панорамы динамичной, футуроориентированной культуры, в которой, в частности, архитектурная ткань Тель-Авива воспринимается живым, непрерывно развивающимся организмом.

Ведущие архитекторы и градостроители Тель-Авива с момента основания города аккумулировали и активно применяли передовой европейский опыт урбанистики и зодчества, рационально и эффективно используя методологический, концептуальный и эстетический ресурс творческого наследия Баухауса. Именно это позволяет и в наши дни видеть в городской среде Тель-Авива явление живого Баухауса.

Разумеется, конкретные, осуществленные в Тель-Авиве проекты обнаруживают целый ряд специфических особенностей и отличий от хрестоматийных примеров модернистской архитектуры жилых и общественных зданий, реализованных в Европе и мире. Заметная и важная особенность «бахуусовской» архитектуры Израиля периода 1920-х – 1950 годов состоит в адаптации к локальным условиям с учетом, прежде всего, ландшафтных и климатических факторов. Следуя задачам климатической адаптации, архитектура, преимущественно, жилых зданий Тель-Авива испытывала некоторые типологические и морфологические трансформации. Изменялась, в частности, роль таких элементов, как окна, балконы, террасы, крыши, пилоны. В условиях чрезвычайно активного южного солнца они приобретали новые размерные отношения, снабжались средствами защиты от чрезмерной инсоляции и перегрева. Колористика зданий, окрашенных преимущественно в светлые тона, способствовала эффективному светоотражению и, опять же, предотвращению перегрева. Большое внимание уделялось ориентации зданий в контексте конкретных локаций и обеспечению достаточного числа затененных, комфортных пространств как частных, так и общественных. Влияли на конкретные проектные решения и многие другие функциональные факторы. Предметом особых проектных и практических усилий являлись вопросы благоустройства и озеленения. Редкий город, созданный «с чистого листа» в условиях бедного, климатически сурового и исторически истощенного ландшафта, может похвастаться таким уровнем экологического благополучия и гармонического социобиологического баланса, какой демонстрирует современный Тель-Авив. Таким образом, в реальных условиях, изначально представлявших собой почти пустынное, невозделанное место с малоприспособленными для градоформирования стартовыми факторами, постепенно, шаг за шагом смог сложиться новый, развивающийся, подстраивающийся под задачи комфортной жизни урбанистический организм.

Наиболее интересно и удивительно, что исходные идеи архитектуры и урбанистического развития, заложенные век тому назад представителями Баухауса и «современного движения» в целом, нашли естественное продолжение и развитие в практике современной застройки, при-

чем во впечатляюще крупных масштабах. Новые здания, возводимые как в пределах центрального Тель-Авива, так и в других его районах, предельно аккуратно, с неизменным уважением к историческому, стилистическому и функциональному контексту вписываются в существующее окружение. Это определяет не только эстетическую, но, что важно, этическую программу градостроительства. Концепция «города для жизни» превращается в Тель-Авиве в удивительный образец баланса между иерархией и гетерархией урбанистических структур, процессов и форм, в гармоничное отношение вертикали соподчинения мест, фрагментов и территорий с горизонтальной межпространственных коммуникаций, средовых сценариев и человеческих взаимодействий. Это дает особое чувство равномерного распределения качества полноценности и комфорта в пространстве города.

Однако понять в полной мере феномен «живого Баухауса», исходя лишь из факта настойчивой и грамотной мобилизации опыта модернистской архитектурной школы, невозможно. Огромное значение для развития города на основе авангардного европейского архитектурного концепта имел тот факт, что застройка Тель-Авива никогда не была простой суммой стилистически однородных зданий. Эта застройка реализовывала перспективную социальную программу, за которой, в свою очередь, стояли четко определенные политические и мировоззренческие приоритеты, связанные с идеями сионизма, национального возрождения и перспективами еврейской государственности. Новый современный город на исторической земле еврейских предков должен был явить собой не просто воплощенную в камне пропаганду идей сионистского движения. Он должен был стать живой формой урбанистического быта народа, прошедшего многие века в рассеянии и скитаниях, но не утратившего национального самосознания, не потерявшего своих базовых ценностей и не разучившегося жить полноценной оседлой жизнью со всем ее внутренним богатством и разнообразием.

Отсюда понятно, что положенная в основу развития города социальная модель предопределила многое из его материального воплощения. Это и пространственное разнообразие, отразившее вкусы, привычки и поведенческие сценарии разных групп населения, и разумный

баланс между унификацией и уникальностью как целых кварталов, так и отдельных зданий. Это универсальность и рациональный метакультурализм архитектурного языка, задававшие городу характер открытого урбанистического организма европейского типа. Это демократизм и простота форм, структурная ясность, приоритет функции (причем все это не в ущерб эстетике и визуальной пластической гармонии). Это (что особенно важно) глубоко осязаемое повсюду значение контекста – как архитектурно-градостроительного, так и экологического. Тель-Авив реализует простой, но очень важный принцип: в любом месте города, в любом его фрагменте должно в равной мере ощущаться качество гуманистически ориентированной среды. Это достижимо лишь там, где город есть не столько совокупность пространств, не столько некий «архитектурный кристалл», сколько естественная среда – текучая, пульсирующая, превращающая корбюзинскую «виртуозную, правильную и великолепную игру архитектурных объемов на свету» из эстетического императива, из проектной цели архитектора в свидетельство живого человеческого присутствия.

Идея города как живого организма в сочетании с концептуальным и стилистическим единством архитектуры его зданий вряд ли смогла бы реализовываться на протяжении целого столетия, если бы в основу его градостроительной структуры и плана пространственного развития не были заложены принципы и идеи, аккумулировавшие и интегрировавшие опыт градостроительства, социологии, биологии и экологии. Уникальной фигурой, соединившей в себе знания и компетенции, связанные с этими областями человеческих практик, стал в начале XX века выдающийся шотландский ученый Патрик Геддес, человек необычайно широких интересов, натуралист, биолог по исходному образованию, расширивший сферу своих исследований и проектов в направлении экологии, социологии и урбанистики. Геддес, успевший в молодые годы поработать ассистентом в одной из лабораторий Чарльза Дарвина, позже заинтересовался натурфилософией, изучением общественных процессов, увлекся эволюционной моделью Герберта Спенсера, а затем пришел к исследованию городского развития и разработке урбанистических концепций. Он впервые системно подошел к исследованиям городского развития и стал

самым известным урбанистом и теоретиком градостроительства своего времени. Геддес дружил с выдающимися теоретиками анархизма – французским географом и ландшафтоведом Элизе Реклю, а также с князем Петром Алексеевичем Кропоткиным. Он разделял их идеи анархизма, понимаемого как отстаивание баланса между свободой личности и коллективной волей социума, выраженной в деятельности власти. Впоследствии присущий анархизму императив личности нашел выражение в градостроительных концепциях и проектной практике Геддеса. Кроме того, будучи шотландцем, а не евреем, Геддес, однако же, активно симпатизировал идеям сионистского движения и планам еврейского национального возрождения, что определило его интерес к проблемам урбанизации на Святой Земле.

Именно его, Патрика Геддеса, представителя самой передовой европейской урбанистической философии, в 1925 году пригласил для разработки перспективного плана развития города первый мэр Тель-Авива Меир Дизенгоф, отлично понимавший, что накопившиеся к началу двадцатых годов проблемы социального быта могут быть разрешены лишь на основе внятной концепции пространственного развития. Для решения этой задачи не было более подходящей фигуры, чем Патрик Геддес. Созданный Геддесом проект градопланировки, конечно же, достоин отдельной темы и подробной публикации, поэтому, не углубляясь в частные исторические детали и оставаясь в русле размышления о «живом Баухаусе», стоит отметить лишь тот безусловный факт, что именно положенный в основу развития Тель-Авива план прозорливого шотландца определил «живучесть» той конкретной архитектурной ткани, что выросла на исходном каркасе магистралей, улиц и переулков. Именно благодаря удивительной биосоциальной и урбанистической интуиции Геддеса город смог получить столь мощный и долговременный импульс развития.

Время не щадит творений рук человеческих. Оно беспощадно даже к созданиям архитектуры. Но, глядя на урбанистическое тело Тель-Авива, мы видим, что дух города есть нечто большее, чем его материя, чем сумма зданий или пространств. В этом удивительном городе мы улавливаем живое биение пульса Баухауса и европейско-

го модернизма – той эпохи, для которой будущее не было пустым звуком.

Литература

1. Preservation and Renewal. Bauhaus and International Style Buildings in Tel Aviv. Edited by Micha Gross, 2012.
2. Sharon Rotbard, White City Black City: Architecture and War in Tel Aviv and Jaffa. – London : Pluto Press, 2015.
3. Sand and Splendor. Eclectic Style in Tel-Aviv. Edited by Micha Gross, 2013.
4. Александра Кушнарева. Баухаус в Тель-Авиве: Белый город в тени небоскребов. DEL'Arte. – URL: https://delartemagazine.com/architecture/bauhaus-v-tel-avive-belyj-gorod-v-teni-neboskryobov/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.01.2026).

References

- Gross, M. (Ed.). (2012). *Preservation and Renewal. Bauhaus and International Style Buildings in Tel Aviv*.
- Gross, M. (Ed.). (2013). *Sand and Splendor. Eclectic Style in Tel-Aviv*.
- Kushnareva, A. (2023). *Bauhaus in Tel Aviv: A White City in the shadow of skyscrapers*. DEL'ARTE. Retrieved January 10, 2026, from https://delartemagazine.com/architecture/bauhaus-v-tel-avive-belyj-gorod-v-teni-neboskryobov/?utm_source=chatgpt.com
- Rotbard, Sh. (2015). *White City Black City: Architecture and War in Tel Aviv and Jaffa*. London: Pluto Press.

